

Храпачевский Р. П.,

*Центр по изучению военной
и общей истории (Москва)*

РУСЬ, МАЛАЯ РУСЬ И УКРАИНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ЭТНОНИМА

Происхождение и становление этнонима «Украина», взаимосвязь этих процессов с комплексом названий «Русь», «Малая Русь» и «Малороссия», их взаимное отношение к «России» — все это вопросы, которые до сих пор представляют значительный интерес как для историков, так и для современной жизни в ныне отдельных государствах — Республика Украина и Российская Федерация. При всем этом современное состояние проблематики нельзя признать удовлетворительным. Причиной этому является большая политизированность вопроса: корни данного явления зародились в период противостояния Московской Руси и Великого княжества Литовского, что сказывается вплоть до нашего времени. Прежде чем перейти к основной теме — как, когда и почему появился этноним «Украина», в каких он находился отношениях с «Русью», «Малороссией», «Москвой» и «Россией», какие этнические, конфессиональные и профессионально-политические группы выдвигали и употребляли его в разные исторические периоды — необходимо рассмотреть основные течения историографии, в которых рассматривалась вышеуказанная тематика.

Для классиков российской дореволюционной историографии, в частности для С. М. Соловьева, было характерно признание исторического единства русского народа. Поэтому земли нынешней Украины в работах С. М. Соловьева видоизменяли свое название только хронологически, в соответствии периодизацией политической власти: сначала это просто Русь, позже Южная Русь, затем Литовская Русь, и наконец Малороссия, которую населяет «православное русское народонаселение». Термин «Украина» использовался только как название соответствующих пограничий Московского государства, Великого княжества Литовского и позднее Речи Посполитой [25, с. 306]. Аналогичного, т. е. политико-хронологического подхода придерживался и В. О. Ключевский, разве что он добавлял к указанной выше последовательности еще и «Украину» как синоним Малороссии с ее малороссийской народностью (при этом не указывая времени появления данного термина) [11, с. 106, 110—111]. Более подробно российская историография стала рассматривать проблему генезиса названий Малороссии после появления обстоятельной статьи М. А. Максимовича, в которой автор попытался опровергнуть несколько мифов, которые были характерны для польской историографии того времени: приписывание Московскому государству внедрения названия «Малороссия» после 1654 г. и деление русского народа на «Русь, рутенов и москвитов», причем «москвиты причисляются даже не к славянскому племени» [15, с. 4]. Ряд фактических неточностей, допущенных Максимовичем (например, некритичное использование в качестве аргументов «универсалов Хмельницкого» из «Летописи» Самойло Величко), вызвали возражения со стороны Н. И. Костомарова.

В полемическом ответе на статью Максимовича Н. И. Костомаров выдвинул свои объяснения, суть которых состояла в том, что в XVII в., до и после Переяславской Рады, названия «Малая Русь» и «малороссияне» употреблялись в Южной Руси, но были редко используемыми терминами (Костомаров считал, что сохранилось не более 4 упоминаний Малой Руси до 1654 г.), более всего присущими высокому слогу сочинений православных авторов. В широком обиходе, по мнению этого историка, бытовали названия «Русь» и «русский народ», а термин «Украина Малороссийская» являлся просто изобретением Самойло Величко в его «Летописи» и был характерен лишь для «универсалов Хмельницкого», сочиненных или самим Величко, или кем-то в гетманской канцелярии [12, с. 453—454]. В дальнейшем Н. И. Костомаров развил свою концепцию существования двух русских народностей — великорусской и малороссийской.

В основном на базе аргументации Максимовича и Костомарова покоились взгляды русской дореволюционной историографии на «малороссийский вопрос», а именно в отношении двух основополагающих фактов:

а) историческое название как для Великороссии, так и для Малороссии — Русь, как общее название для них, т. е. как более широкое понятие;

б) «Украина» появилась как топоним, обозначающий окраинные земли Великого княжества Литовского (позднее — Речи Посполитой) и Московского государства, а Малороссия (или Южная Русь) является действительным на тот момент этнонимом для «малороссийской]южнорусской» народности.

Разногласия между дореволюционными российскими историками заключались только в вопросе существования южнорусской (или малороссийской) народности как части общерусского народа. Одни из них осторожно настаивали только на существовании большей или меньшей этнографической самобытности ее, а другие более решительно заявляли о ней, как об отдельной (но при этом *русской*) народности. Положение это изменилось с появлением концепции М. С. Грушевского.

М. С. Грушевский создал так называемую «украинскую историческую школу», согласно которой «традиционная схема русской истории» была неверна, а на самом деле ход исторического процесса был иным: домонгольская «Киевская держава» была творением одной, «україно-русской» народности, а «Владими́ро-Московская держава» — другой, «великорусской». Соответственно, «Малая Русь» у него — это Галицко-Волынская держава. С гибелью этой державы и вхождением ее земель в состав Польши, данное название, по мнению Грушевского, выходит из употребления, а вместо него все более широкое распространение получают названия «Украина», «украинский». Это название, употреблявшееся вначале в общем значении приграничья, приобретает особое значение с XVII в., когда «восточная Украина становится центром и представительницей новой украинской жизни». Термин же «Малороссия» и производные от него М. С. Грушевский считал результатом насильственной русификации в XVII—XIX вв. [8, с. 1—2].

За вычетом положения М. С. Грушевского о существовании уже на этапе Древней Руси двух отдельных народов — великорусского и украинского, суть его схемы была воспринята украинской советской историографией в период «коренизации», проводившейся в УССР в 20-х гг. XX в. В итоге даже в таких сборниках как «Материалы к истории Украины» можно было встретить сле-

дующее: в заголовке публикуемого документа писалось «лист брацлавскої шляхти королю Стефану Баторію про те, щоб укази писалися їм не польською мовою, а українською», а в тексте самого памятника под этим заголовком читалось — «просимо... руским писмом видавати» [10, с. 21—22]. Последовательная подмена в таком духе производилась повсеместно, что полностью соответствовало подходу М. С. Грушевского, который настойчиво заменял «Русь» на «Украину» в своей многотомной «Історії України-Руси».

Появление данной концепции украинской истории вызвало серьезную и даже резкую критику со стороны таких крупных историков Малороссии как И. А. Линниченко, А. В. Стороженко и И. И. Лаппо (работы двух первых авторов переизданы в сборнике «Украинский сепаратизм в России». М., 1998). Если Линниченко в статье «Малорусский вопрос и автономия Малороссии» опроверг как методологически неверную всю предложенную Грушевским схему, то Стороженко и Лаппо более подробно остановились на вопросе генезиса понятия «Украина» в связи с историческими названиями Русь и Малороссия, а также на вопросе существования единого русского народа, объединяющего три русские народности.

Следует более подробно остановиться на двух последних работах. Обе они обстоятельно исследуют этимологию слова «Украина» как в русском, так и польском языке. Кроме того, в них приведено большое количество цитат из русских и польских источников, демонстрирующих практику использования понятий «Украина]україны», «Малая Русь]Малороссия» на протяжении всего средневековья и вплоть до XIX в. Наиболее подробно исследуется вопрос в работе А. В. Стороженко, тогда как И. И. Лаппо более сосредотачивается на вопросе единства русской нации. Собственно «украинский вопрос» является для Лаппо скорее второстепенным (при этом, однако, у него приведены большие отрывки из сочинений таких авторов, как Я. Длугош, М. Стрыйковский и А. Гваньини, вместе с параллельными латинскими и польскими текстами их оригиналов). Данные работы обстоятельно исследовали этимологию понятий «Малая Русь» и «Украина». Поэтому достаточно привести их выводы на этот счет, дополнительно проиллюстрировав эти выводы примерами из источников:

1. Малая Русь — это название было введено греческими православными иерархами, когда после монгольского нашествия остались только две Руси, Галицко-Волынская и Владимиро-Суздальская, сохранившие активные сношения с Константинопольской патриархией. Стороженко отмечает: «Явилась необходимость отличать одну Русь от другой каким-нибудь определением. Византийцы воспользовались готовыми географическими терминами: страна *Малая* или *Великая*, унаследованными ими от классической древности». Согласно этим представлениям, *Малыми*

считались исконные земли, бывшие «прародиной, одного народа или нескольких родственных племен... *Великими* назывались у классических географов страны, колонизованные населением из малых, иначе говоря: разросшиеся из недр страны-матери» [28, с. 281]. Поэтому в 1347 г. византийский император Иоанн Кантакузин писал литовскому князю Любарту Гедиминовичу: «Ты знаешь, что так было установлено и узаконено с той поры, как народ русский познал Бога и просветился святым крещением, дабы был один митрополит — Киевский, для всей России, как для Малой, так и для Великой» [21, приложение № 3]. Это одно

из самых ранних сохранившихся свидетельств использования указанного термина со стороны греков. Но он, очевидно, появился значительно раньше, поскольку уже в 1335 г. галицкий князь Юрий-Болеслав II в грамоте к великому магистру немецкого ордена Дитриху от 20 октября 1335 года называет себя «*Dei gratia natus dux totius Russiae minoris*» («Божией милостью прирожденный князь всея Малыя Руси») [4, таблица IX]. В конечном итоге названия «Великая Русь» и «Малая Русь» вышли на официальный уровень: в 1361 г. патриарх учредил две митрополии, одну в «Великой Руси», с центром в Москве, и другую — в «Малой Руси», с центром в Галиче [21, приложение № 13]. В дальнейшем названия «Великая]Малая Русь» или «Великая]Малая Россия» (в греческой огласовке, в которой «у» заменяется на «о») оказались в преимущественном употреблении у православных духовных лиц (из русских или греков), а также тех, кто получил образование в их среде. Особенно часто эти названия стали появляться после Брестской унии 1596 г. в текстах православных публицистов. Так, в сочинениях Ивана Вишенского постоянно используется термины Великая и Малая Русь: «абовем ныне християне Малое Русии» («Книжка», около 1600 г.); «если не хочеш плодоносия спасительнаго языка словенскаго от Великой России доведоватися, доступи в Киеве в монастырь Печерский» («Зачапка», около 1608 г.) [9, с. 22, 192]. Такое словоупотребление характерно и для иных православных публицистов того времени: Иова Борецкого, Исаяи Копинского, Зиновия Копыстенского и других.

2. Термин «Украина» первоначально появился как обозначение приграничных, окраинных территорий как Руси, так и Польши. В русских летописях имеется около 20 случаев упоминания «украины». Анализ их употребления привел И. И. Срезневского к определенному выводу: «Украина — пограничная местность» [26, с. 1184]. Вот наиболее характерные летописные примеры: Ипатьевская летопись — «И еха и Смоленьска в борзе; и приехавшу же емоу **ко оукраине Галичькои** (здесь и далее выделено автором. — *P. X.*), и взя два города Галичькои, и оттоле поиде к Галичю» (статья 1189 г.) [19, стб. 663—664]; Первая Псковская летопись — «и по сем Андреи с полочаны и **своея оукраины** пригнавше без вести и повоеваша неколико сель» (статья 1343 г.) [20, с. 21]. И позднее, в конце XVI в., грамота царя Федора Иоанновича (1593 г.) донским казакам отмечает опасность того, что татарские «царь или царевичи пойдут на наши **украины** и с ними азовские люди... а велено черкасом запорожским гетману Хриштопу Косицкому и всем атаманом и черкасом быть на Донце на шляхах и за царем итти к нашим **украинам**» [10, с. 25]. Совершенно аналогично употребление этого слова у поляков в рассматриваемое время. Самуил Грондский, автор истории восстания Богдана Хмельницкого (около 1660 г.), поясняет: «*Margo enim polonice kray; inde Ukrajna, quasi provincia ad fines regni posita*», что значит: «Латинское *margo* (граница, рубеж) по-польски *kraj*, отсюда *украина* — область, расположенная у края королевства» [7, с. 54]. Таким образом, слово «украина» в качестве нарицательного понятия, в значении пограничья, пограничной местности или области, было известно в русском и польском языках и использовалось в них издавна. Когда в Польше стали систематически заменять Русь на «Украину» (в середине XVII в.), не один только Грондский еще помнит истинный смысл этого слова. Например, познанский воевода Ян Лещинский в своем меморандуме от 2 июля 1658 г., вынужден давать пояснение, какую именно

«Украину» он имеет в виду: «*gentis nomine Ukraina sive Rus*» («имя народа — Украина, или Русь») [7, с. 77]. Именно такой переходный момент отражает Михаил Гунашевский, православный шляхтич с Подолии (его язык является смесью разговорного южнорусского языка с внедрением польских ученых оборотов), автор «Львовской Руской летописи»: «а затым в шиткой Украине Русь выстинали, аж до Москвы» [10, с. 86].

Ясная для современников этимология вышеуказанных понятий стала серьезным затруднением в политике сначала Великого княжества Литовского, а потом Речи Посполитой, когда Иван III выдвинул программу сбора «земель праотец» под руку великого князя Московского, что на тогдашнем уровне государственных установлений фиксировалось в его титуле — «великий князь и государь всея Русии». Программа эта была сформулирована четко и недвусмысленно в его словах

литовским послам в 1493 г.: «Чем его Бог подаровал от дед и прадед от начала, правой есть уроженный государь всеа Руси» [6, с. 50]. Такая постановка вопроса вызвала резкое неприятие со стороны Великого княжества Литовского и поэтому некоторое время обе стороны не писали титула «всеа Руси»: «Государево и королево имя писано без титула и всеа Русии не написано» [6, с. 41]. Добровольный переход к России Северной земли и неудачные для Великого княжества Литовского войны, с особенно чувствительной потерей Чернигова и Смоленска (1514 г.), привели к длительному противостоянию России и Великого княжества Литовского не только вооруженными средствами, но и на идеологическом поле.

Притязания Московского государства на свое правопреемство по отношению ко всем русским землям — Черной, Белой, Червоной и Малой Руси, которые оказались поделены между Москвой, Великим княжеством Литовским и Польшей (в Московском государстве находилась часть Белой Руси, т. е. Смоленск и Псков; в Польше — Червоная Русь, в Литве — Белая, Черная и Малая Русь), вызвали ответную польско-литовскую концепцию Москвы как не русской земли. Одним из первых начал противопоставлять русских (Ruteni) «московитам» Матвей Меховский в своем «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.). В своем списке славянских земель столицей «Руссии» Меховский называет Львов, а саму ее помещает между Польшей с запада, Литвой (т. е. в его терминологии — это Белая Русь, принадлежавшая Великому княжеству Литовскому) с севера, Северным Причерноморьем на востоке и Карпатами с Днестром на юге. В описании Литвы Меховский упоминает о том, что часть ее земель раньше были русскими, в том числе Киев, который «некогда был столицей Руссии» [16, с. 78, 95—97]. «Московия» определяется им как государство, где живут «моски», или «московиты», и нигде в тексте описания их страны они не упоминаются как часть русского народа. Единственный факт, который Матвей Меховский не мог обойти, так это то, что «речь там повсюду русская или славянская» [16, с. 112].

Эта схема была принята и быстро укоренилась в тогдашней польско-литовской публицистике. Даже Михалон Литвин, написавший в момент обострения польско-литовских отношений свой памфлет в защиту литовского народа (1550 г.), в основном принимает ее. Однако в двух местах он оговаривается и показывает, что образованная часть поляков и литовцев знала о тождестве «московитов» и русских: в одном месте он пишет о «москвитянах» как части всех «рутен» [17, с. 62], а в другом сообщает, что Киев был

«владением князей Руссии и Московии» [17, с. 102]. Польский историк М. Стрыйковский также знает об этом единстве, но и его сочинение было в определенной степени полемическим и про-литовским в условиях все большей полонизации Литвы. Кроме того, он владел русским языком и пользовался при написании своей «Хроники» (1582 г.) русскими источниками [22, с. 46]. Как отмечает И. И. Лаппо: «По Стрыйковскому, один и тот же русский народ живет по всей Руси, будет ли это ее запад, юг, или северо-восток, т. е. те ее части, которые теперь называются Белороссией, Малороссией или Великороссией» [13, с. 32].

Из всего вышеизложенного следует, что в политическом смысле польские и литовские авторы всегда называли «Московией» и «московитскими» территории и людей, принадлежавших Московскому государству, т. е. это были термины политической географии, даваемые по политическому, государственному принципу. Когда же речь заходила об историческом, этнографическом и чисто географическом понимании «Руссии», Московское государство и его народ признавались польско-литовскими авторами частью всей Руси, куда помимо нее входили Белая, Малая и Червоная Русь. Сравнение этого вывода с известиями иностранцев, нейтральных в польско-литовско-русском идеологическом противостоянии, подкрепляет его. Например, итальянцы Иосафат Барбаро (купец, живший в венецианской приазовской колонии Тане в 1436—1452 гг.) и Амброзио Контарини (венецианский посол в России в 1473—1479 гг.) в своем описании Руси использовали следующее выражение: «Москва, город в России» [3, с. 157]. Первым городом в Польше на пути из Москвы Барбаро называет литовские «Троки» [3, с. 159]; Контарини называет Нижней Россией земли, где находятся города Луцк, Житомир, Белгород (ныне с. Белгородка в 20 км от Киева) и Киев, а Верхней Россией — Московское государство [3, с. 210—212], причем «великий князь Московский» у него называется также «русским великим князем» [3, с. 225, 229].

Австрийский посол в России Сигизмунд Герберштейн (совершивший два путешествия в Москву — в 1517 и 1526 гг.), автор наиболее авторитетного сочинения о России в Европе на протяжении XVI и XVII вв., также считал Московское государство не только частью всей Руси, но и «главным государством в Руссии» [24, с. 53]. Герберштейн писал, что «Руссией владеют ныне три государя; большая ее часть принадлежит [великому] князю московскому, вторым является великий князь литовский, третьим — король польский» [24, с. 59]. Также как и польские авторы, Герберштейн использует термин «московиты» для обозначения подданных Московского государства. В этом подходе с ним солидарен и автор энциклопедического труда «История северных народов» (1555 г.) шведский историк Олаус Магнус, который, при своем в целом негатив-

ном отношении к «московитам», тоже считает их частью Руси, так как использует устоявшееся латинское наименование их как «рутенов» [32, с. 230]. Аналогичного словоупотребления придерживается в своем «Описании Московии» Александр Гваньини (1578 г.): «Московия, по-местному называемая Москвой, обширнейший город, столица и метрополия всей Белой Руссии (Russiae albae)» [1, с. 13].

Таким образом, несмотря на политическое разделение Руси на русские земли, которые принадлежали сначала Москве, Великому княжеству Литовскому и Польше, а потом только Москве и Речи Посполитой (после Люблин-

ской унии 1569 г.), они сохраняли свое этническое единство в глазах большинства населения и иностранцев. Такое положение было нетерпимо для властной верхушки Речи Посполитой, особенно в условиях начавшейся там контрреформации, приведшей к усилению натиска на православие в русских землях Речи Посполитой. Брестская церковная уния 1596 г. была резко отвергнута большинством православного населения, которое сразу же оценило ее как попытку «уничтожить Русь в Руси» (из жалобы православной шляхты и духовенства сейму в 1623 г.) [10, с. 57]. Не удивительно, что именно с конца XVI в. начинается публицистическая активность русских православных авторов, в текстах которых получили распространение такие выражения как «русская вера», «народ русский» и т. д. Так, например, львовские мещане пишут для сейма 1608 г. инструкцию, в которой присутствуют слова: «в том русском Лвовеве», «полский народ веспол (т. е. Вместе. — Р. Х.) з русским единого сут права», «прироженой земли своей русской» [10, с. 54].

В этих условиях в польской письменной традиции все чаще начинает появляться понятие «Украины», заменяющее «Русь». Как уже говорилось выше, исходное название приграничья-украины применялось к таким пограничным регионам Польши как воеводство Русское, т. е. к Червонной Руси. С включением Киевского и Брацлавского воеводств в состав коронных (т. е. польских) земель после Люблинской унии, эти воеводства стали новым польским пограничьем. Слияние этих «украин» польского государства — старой и новой и породили обобщенное название этих земель как «Украины». Это название не стало официальным, но рано укрепилось в бытовом словоупотреблении польской шляхты и стало постепенно проникать в официальное делопроизводство.

Начало перехода «Руси» в «Украину» в польском обществе можно наблюдать в сочинениях иезуита Антонио Поссевино, папского эмиссара, который вел переговоры между Речью Посполитой и Московским государством в 1581—1582 гг. Он знает о существовании Белой и Червонной Руси, подчиненных польскому королю [2, с. 30]. Более того, он ясно отдает себе отчет о проблеме русского единства и связанных с ней притязаний русского царя на титул «всера Руси». Поэтому Поссевино пишет о московском государе: «Ему следует писать так, чтобы не называть его государем всея Руси, но просто Руси, и не наследником Ливонии» [2, с. 32]. Таким образом, Поссевино понимает все значение этой идеологической борьбы и предлагает наряду с унией использовать меры по разделению единства Руси на понятийном уровне.

Программа Поссевино о введении унии в «королевской Руси» (так он называл части Руси под властью короля Речи Посполитой) как средства влияния на Московское государство выполнялась в ходе проведения Брестской унии. Именно в это время происходит поляризация понятий в обоих противостоящих лагерях внутри Речи Посполитой: православные называют себя «русинами», «народом руским православным», а поляки все чаще используют понятия «Украина» и «украинский». Так, австрийский дипломат Эрих Лясота, посетивший Малороссию в 1594 г., не знает «Украины», зато он знает, что есть «нынешние великие князья Руси или Московии» и что существует «русский язык» [10, с. 12—13]. Но уже в 1596 г. гетман С. Жолкевский пишет о восстании Северина Наливайко: «Вся Украина показачилась для измены, шпионов полно. Обязательно нужно, обычно, тщательно заботиться об этой Украине» [10, с. 30]. И хотя здесь еще видно, что «украина» скорее

пограничье (уточнение «этой Украине» указывает на это), но это название как название всей «королевской Руси» уже входит в общепонятийный круг высшего польского руководства. К середине XVII в. Украина — устоявшийся польский термин для всей территории Малой Руси. Это показывает сравнение официального универсала короля Яна-Казимира (декабрь 1657 г.) о мерах по расквартированию войск, где говорится о «воеводствах Русском, Волынском, Подольском» [7, с. 34], с его пересказом в частном польском письме, где все эти воеводства названы одним словом — «Украина» [7, с. 48].

В этот период, который можно назвать переходным, в переписке еще встречается и старое название «Русь» для обозначения всех русских земель Речи Посполитой. Так, например, польский аноним в конце 50-х гг. XVII в. сообщает о настроениях на Украине при введении туда московских войск следующее: «Co chłopom i Rusi nie miło, że im do roboty kazali [isc] i danine dawac» («То холопам и Руси не нравится, что им приказали [идти] на работы и отдавать подати») [7, с. 41]. Но такие случаи уже редки и в польском употреблении к концу XVII в. господствуют «Ukraina», «Kozaki» и «Moskwa». То, что инициатива замены «Руси» на «Украину» шла от поляков видно из донесения папского нунция в Польшу Торреса (1622 г.). В этом деловом послании он придерживается более привычной и понятной для контрагентов в Риме терминологии: «Русь, которая делится на три части: Червонная Русь с городами Львовом и Перемышлем, к которой принадлежит и Волынь; Белая Русь, протянувшаяся от Риги, столицы Лифляндии, до Московской границы, включая Полоцк, Оршу, Витебск, Могилев; Черная Русь, находящаяся между Литвой и Волынью, до Киева с городами Пинском, Новогрудком и Овручем» [29, с. 194].

В своем развитии эта польская концепция замены Руси на «Украину» доходит до логического конца в XIX в. — в теориях графа Тадеуша Чацкого (1822 г.) и католического священника Ф. Духинского (середина XIX в.). У первого Украина — древнейшее название от древнего славянского племени «укров», а у второго полностью отрицается славянское происхождение великороссов и утверждается их «финно-монгольское» происхождение [30, с. 232]. Эстетической подпоркой для подобного представления об «Украине» в польском обществе первой половины XIX в. была так называемая «поэтическая украинская школа», ее последователем был и А. Мицкевич. Сила воздействия ее была очень велика, она существенно поддерживала политические претензии польской аристократии на «утерянные земли» на Востоке. Этими претензиями объясняется живучесть польского мифа об отдельной от Руси «Украине».

Постепенно данная польская концепция получила распространение и среди русского населения Малой России. В комиссиях с пограничными реестровыми казаками комиссары польского короля в преамбулах договоров с ними пишут: «прибыв сюда на Украину» (Ольшанская комиссия 1617 г.) [10, с. 43]. Тут в «Украине» еще слышится семантический оттенок «пограничье». Но в данном случае важно другое: такое общение казаков (точнее их верхушки) с поляками, получение от них своего экземпляра договора с ними, где фиксируется понятие «Украины», приводит к тому, что они понемногу начинают также воспринимать данный термин. Вместе с внедрением «Украины» как заменителя Руси у поляков, данное понятие воспринимается и казачьими старшинами, получившими польское образование. При этом они еще отграничи-

вают его использование как внешнее (т. е. при общении с поляками) от использования понятий «Русь/Малая Русь» в общении с православными людьми, духовенством и государственными институтами Российского государства. Но со временем казачья старшина, во многом равнявшаяся на обычаи и образование польской шляхты, начинает использовать название «Украина» наравне с «Русью» и «Малой Русью».

Особенно хорошо это иллюстрируют универсалы и письма Богдана Хмельницкого, который в письмах и договорах с поляками использует термин «Украина» или как общий термин, например: «ani go cierpiec w Ukrainie kozacy mogą» («ни терпеть его в Украине козаки не могут») [31, с. 46], или в понятии приграничья: «urzdow ukrainnych» («украинных урядников») [31, с. 73]. Но в своих посланиях, написанных «русским письмом» Хмельницкий пишет, например о правах малороссийской шляхты так: «Шляхта, которые в России обретается» [31, с. 64], или о «самой столицы Киева, також части сие Малые Руси наша» [31, с. 257]. Аналогичное словоупотребление характерно и для многих современников Богдана Хмельницкого, например, для кошевого атамана Запорожской Сечи Ивана Серко. Иван Серко говорит как о «всей Малой Росии», «ратных Руских», «отчизне нашей Малой Росии», так и об «Украине» «наших украинных городов» и т. д. [14, с. 13, 16, 44]

Выше рассматривались в основном сведения, исходившие или от высших и образованных классов Польши и Малороссии, или от иностранцев. Но важен вопрос народного понимания и народной самоидентификации. К сожалению, по понятным причинам источники для выяснения этого вопроса крайне немногочисленны. Это в первую очередь народные думы и духовная литература, которую писали такие близкие к народной стихии авторы, как И. Вишенский, И. Копинский (выше цитировались примеры их понимания Южной Руси как «Малой Росии»), «старчик» Григорий Сковорода и другие. В среде православного духовенства долго существовала линия, противоположная официальной польской политике. Ее лучшим выразителем можно назвать настоятеля Киево-Печерского монастыря Иннокентия Гизеля, автора «Синописа» (1674 г.), в котором было сформулировано понимание русского народа как триединого народа в составе «великоросов, малоросов и белорусов». Государственная власть Московского государства во всех трех частях — Великой, Малой и Белой Руси — трактовалась в этом произведении как единственно законная, так как московские князья, а потом цари, ведут свой род от Александра

Невского, который «бысть князь Киевский из земли Российския». Подобная же тенденция была характерна и для народной поэзии. В малороссийских думах, имеющих сюжетами самые ранние периоды — «Плач невольника», «Маруся Богуславка» (XV—XVII вв.), упоминаются «берег святоруский», «берег русский» и только в поздних по своей тематике думах начинает появляться термин «Украина» [27, с. 102, 104—106, 130].

Таким образом, всего вышеизложенного можно сделать некоторые выводы по истории происхождения и становления этнонима «Украина». С древнейших времен основными наименованиями территории нынешней Украины и ее населения была «Русь» и производные от него («Малая Русь» или, реже, «Червоная Русь»), причем данное название использовалось вплоть до середины XVII в. всеми этническими, сословно-профессиональными и конфессиональными группами, жившими в Малороссии. И только в связи с про-

никновением в высшие слои местного населения польской культуры среди него начало распространяться польское название «Украина», возникновение которого было обусловлено политическими и идеологическими причинами. Все это указывает на внешнее и искусственное происхождение понятия «Украина», официально насаждаемого правительством Речи Посполитой в XVII—XVIII вв. вместо естественных и исторических понятий «Русь» и «Малая Русь». Позднее этот термин культивировался в кругах, охваченных в XIX в. малороссийской или украинской романтикой. Анализ закрепления этого понятия усилиями украинофилов конца XIX — начала XX в., а потом и окончательного преобладания этой тенденции в советское время (период «коренизации» 20-х гг.), приведшей к нынешнему представлению об «исконности» названия «Украина», уже выходит за рамки данной работы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Александр Гваньини*. Описание Московии. М., 1997.
2. *Антонио Поссевино*. Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983.
3. Барбаро и Контарини о России. Л., 1971.
4. Болеслав Юрий II, князь всей Малой Руси. Спб., 1907.
5. Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы: В 3 томах. Т. 3. М; Л., 1953.
6. Выписки из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547—1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV—XVII вв. Т. 2. Москва — Варшава, 1997.
7. *Герасимчук В.* Матеріали до історії козаччини XVII віку. Львов, 1994.
8. *Грушевський М. С.* Історія України-Руси. Киев, 1994. Т. 1.
9. *Иван Вишенский*. Сочинения. М; Л., 1955.
10. Історія України в документах і матеріалах. Киев, 1941. Т. 3.
11. *Ключевский В. О.* Сочинения. М., 1957. Т. 3.
12. *Костомаров Н. И.* Исторические сочинения. М., 1992.
13. *Лаппо И. И.* Идея единства русского народа в Юго-Западной Руси в эпоху присоединения Малороссии к Московскому государству. Прага, 1929.
14. Листы Івана Сірка. Киев, 1995.
15. *Максимович М. А.* Давно ли Малая Русь стала писаться Малороссиєю, а Русь Россией // Киевский Телеграф, 1868. № 7.
16. *Матвей Меховский*. Трактат о двух Сарматиях. М; Л., 1936.
17. *Михалон Литвин*. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994.
18. *Петровский М. Н.* Псевдо-діяріуш Самійла Зорки. Киев, 1928.
19. Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1962 (новое издание — М., 1998).
20. Псковские летописи. Т. 1. М; Л., 1941.
21. *Рогов А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. М., 1966.
22. Русская историческая библиотека. Т. 6, Спб., 1880.
23. *Самійла Величка*. Сказаніє о войне козацкой з поляками. Киев, 1926.
24. *Сигизмунд Герберштейн*. Записки о Московии. М., 1988.
25. *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. М., 1989. Т. 6.
26. *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. М., 1958.
27. Украинские народные думы. М., 1972.
28. Украинский сепаратизм в России. М., 1998.
29. Уния в документах. Мн., 1997.
30. *Ульянов Н.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996.
31. Універсали Богдана Хмельницького. Киев, 1998.
32. *Щеглов А. Д.* Олаус Магнус о России и русских // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 2001.